Ярослава Осокина

ПРОРЕХИ *и* ШТОПАЛЬЩИКИ

рассказы

12+

Ярослава Осокина

Прорехи и штопальщики. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Осокина Я.

Прорехи и штопальщики. Сборник рассказов / Я. Осокина — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Прорехи и штопальщики)

Этот мир дыряв, словно решето. Он рождает множество магов: так необходимо. Тут не бывает «попаданцев» или чудесных историй переходов, он граничит лишь с местами, населенными чудовищами из людских кошмаров. Сборник рассказов относится к тому же циклу, что и роман «Истории Джека». О том, что такое быть волшебником в этом мире. О том, что нужно слушать предупреждения и не доверять мертвым города. О том, почему нельзя стоять в полдень у главного корпуса Института магических искусств и почему в его парке по ночам летают огненные бабочки. А еще немного о Джеке и Энце.

© Осокина Я., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

На самом деле 6
Мертвые камни 8
Конец ознакомительного фрагмента. 16

В оформлении обложки использована фотография Anastasiya Lobanovskaya с сайта https://www.pexels.com.

На самом деле

Женька магам не завидовал, хотя знал, что большинство пацанов и тем более девчонок просто спят и видят, как у них вдруг просыпается сила. Ну хоть какая-нибудь, хоть самая завалящая, стихийная.

Многие себе уже имена понавыдумывали, заковыристые и чудные, как у магов. Им казалось, это так здорово, лучше чем компьютерные игры, фильмы или комиксы, интереснее всего этого тухлого серого мира, в котором они обречены жить с рождения и до самой смерти. Магия для них была чудесным фейерверком, радугой и блескучим светом – совсем как в кино, где щелкнул пальцем и все самые пресные каждодневные дела решаются сами собой.

Женька тоже с ребятами после школы играл и в казаков-разбойников, и в салки, и в реши-волшебника, только он уже к десяти годам знал, что там к чему, и когда мальчишки, столкнувшись головами, на переменках или продленке возбужденно делились своими соображениями по поводу последней компьютерной игры, войны с зомби или делают ли волшебники домашку, Женька молчал, не лез. Нет, про зомби, конечно, говорил, и про компьютерные игры, вот про остальное нет.

Хотя мог бы. Например, про мальчишку, который с ним в одну группу ходил в детсаде и жил совсем рядом. Однажды его перестали водить в садик и поменяли имя. Мама сказала, что такое редко бывает, обычно дар просыпается позже. Но кроме этого, в мальчишке ничего чудесного или волшебного не было. Он даже не изменился ничуточки. Женька с ним по-прежнему встречался у дома, на игровой площадке, только привыкал долго к новому имени. Унро. Ну что за Унро такое.

Говорят, раньше забирали из семей навсегда, и воспитывали в специальных детдомах. Теперь вот разрешают жить с родителями.

А Унро и в школу ходил, как они, только в специальную, и домашку делал, и на тренировки бегал. Женьку мать тоже записала на борьбу, а Женька это терпеть не мог, отлынивал все время. Скажет маме, что живот болит, и она разрешает дома остаться, пропустить. Унро никто не спрашивал, тому приходилось железно ходить на все занятия, хочешь не хочешь.

А еще они, даже самые маленькие или наоборот, самые старенькие, тоже участвовали в подавлении приливной волны. Им полагалось – закон о защите населения переставал распространяться на них, едва они получали госрегистрацию в Институте парасвязей. Каждый маг должен был регистрироваться в этом институте.

Женьке он представлялся страшным многоэтажным домом, где отнимают имена и толпой ходят маги, серьезные и грустные.

Пока маленький был, Женька приливные волны воспринимал как сильный ветер и дождь: то, что портит прогулки, из-за чего приходится сидеть дома и скучать. Отец пытался объяснить, но сыпал такими терминами, что скулы сводило от тоски и зевоты. Только постарше, когда в школе начали проходить естествознание, Женька понемногу начал понимать, что к чему. Конечно, им упрощенно давали, без объяснения физических и паранормальных принципов, скорее как художественно оформленную сказку – так, как полагалось рассказывать в школе для обычных людей.

Их мир был стар и похож на износившееся, сквозившее дырами платье. Через прорехи порой просвечивали другие пространства, выплескиваясь наружу в неблагополучных регионах с особо тонкой гранью между измерениями. В более спокойных местах приливов не было, зато постоянно образовывались точечные порталы, пропускающие чудовищных гостей.

Залатать эти прорехи было невозможно. Хорошо, что были маги. Они были теми иглами и нитками, которые на время позволяли затянуть раны их мира и не позволить ему рассыпаться окончательно.

Там, где жил Женька, регион как раз был неблагополучный, и если бы не работа отца, то его семья уже давно бы отсюда уехала. Сколько себя Женька помнил, мама с отцом постоянно заводили разговор о переезде, когда-нибудь в следующем году, или через два… но дальше разговора дело никогда не шло.

В их городке приливные волны иногда случались по нескольку штук за сезон. Почти все были заранее предсказаны, и загодя закрывались все окна, двери, а граждане спускались в убежища под домами. Бывало, и неожиданные происходили. Один раз Женька с матерью возвращались из магазина, а им навстречу по асфальту из-за угла вдруг плеснулся узкий язык белесого тумана с радужной пленкой по краю. Женьке тогда семь лет было, он остановился и стал разглядывать: от языка этого так чудно жаром пыхнуло, и переливался он забавно… Хорошо, мать быстро опомнилась, в охапку его схватила и потащила домой. Успели едва-едва.

По их улице ползло то же марево, только огромной стеной выше домов… едва миновали, проскочили в калитку и ссыпались по лестнице в убежище. Мать потом, все эти несколько часов до боли прижимая к себе Женьку, расстраивалась, что окно на кухне забыла запереть, когда уходили. И отец тогда вечером прилетел взъерошенный: он далеко работал, в пригороде. До того места волна не доходила, но он все время волновался за них, не зная, успели они до убежища или нет, телефоны-то во время приливов не работали.

Так вот, во время этих волн мобилизовывали всех магов, кто хотя бы первую ступень подготовки прошел, и тех, что на пенсии был. Их в замыкающую цепь строили и они теснили приливную волну обратно, запирали ее. В ней, собственно, особой опасности не было, но под ее покровом сквозь многочисленные бреши прорывалось много жуткого.

Уже постарше Женька видел эту цепочку: взявшись за руки, словно против сильного ветра, мелкими шажками ребята-маги и бабка с соседней улицы шли упрямо вперед, тесня радужное марево. За их спинами никого не было, хотя полагалось: должны были дежурить боевые маги, хотя бы парочка, на случай прорыва опасного существа. Ведь тем, кто в цепи, размыкать руки было нельзя.

Еще он видел, как после подобных волн дежурная бригада подростков-магов шестой ступени разносила пострадавших коллег по домам. Унро приносили два раза: парень был на редкость неудачлив и все время напарывался на чудовищ.

Мать Унро, закусив кулак зубами, тихо плакала, стоя у калитки, ожидая сына, когда в конце улицы появлялась дежурная бригада. Иногда звонили заранее, с пункта первой помощи, иногда нет, и тогда нужно было стоять и ждать бригаду, если ребенок сам не возвращался.Техника бригаде полагалась самая простецкая: большущая тележка с плоским дном, на которое аккуратно укладывали пострадавших, уже перевязанных, впрягались по двое и шли. Во главе бригады по их кварталу был высокий подтянутый Брана, по которому все окрестные девчонки сохли. Он всегда здоровался, помнил всех родителей своего участка в лицо и по именам, и несмотря на обычную усталость после нескольких часов подавления приливной волны, молодцевато козырял и желал удачи на прощание.

Последний раз бригаду возглавляла взъерошенная тощая девчонка в зеленой бандане, костлявая, с темными кругами под глазами. Сорванным каркающим голосом она осведомилась у матери Унро, как ее зовут, и приказала своим "занести парня". В этот раз Унро был без сознания, крепко зацепило.

Мать Унро поблагодарила ребят, спросила, где Брана, бригадир.

– Нету больше Браны, – сквозь зубы ответила девчонка, и остальные понурились. – В этот раз так жахнуло, что едва кости собрали. Вон все, кто остался.

Она развернулась на каблуках и пошатываясь на ходу, отправилась дальше. Тележка поскрипела следом.

Нет, Женька не завидовал. Он просто видел, что это такое на самом деле.

Мертвые камни

Институт парасвязей (старое название –
Институт магических наук) города Гражин.
Теплый июльский вечер.

Давай не будем, говорит подруга. Ну ты посмотри на них, они выглядят как… как хулиганы. Обматерят и пошлют.

Ну и пусть, упрямится девушка и тащит ее вперед, к черной каменной чаше фонтана. Так нельзя, объясняет она подруге. Понимаешь? Даже если обругают, нельзя мимо проходить и молчать.

Полированный широкий край глянцево блестит, отражая солнце. В невысокой водяной струе – радуга.

Девушка смотрит на нее, и еще на уголок завернутого в восковую бумагу букета, который лежит рядом с грубым ботинком одного из трех молодых людей. Они пьют пиво, развалясь на краю каменной чаши. Жаркий летний вечер, последние дни сессии. В другое бы время девушки бы хихикали, обсуждая их стати: мощные бицепсы, мужественные лица, модные стрижки…

…но не сейчас.

Айниэль шагает четко, хотя подбородок дрожит. Подруга плетется сзади. Ей совсем не хочется лезть в неприятности, но сбежать уже совесть не позволит.

Девушки останавливаются перед молодыми людьми, каблучки звонко щелкают по брусчатке.

– Встаньте, пожалуйста, – звенит голос Айниэль. – Вы сидите прямо на Месте памяти.

Один из них спит, укрыв лицо раскрытой тетрадью, и даже не шевелится. Два других поднимают головы, недоуменно глядя на нее.

Белобрысый молчит, а черноволосый, нагло окинув ее сверху вниз темнеющим взглядом, переспрашивает:

– Где-где мы сидим?

Голос у него глубокий, с хрипотцой даже. Насмешливый. Айниэль глядит ему в переносицу и четко повторяет:

– Вы сидите на Месте памяти. Не могли бы вы сдвинуться?

Она знает примерно, что это за типчики: видела недавно одного из них, – белобрысого, того, что молчит сейчас – за «делом». Лупили с компанией за учебным корпусом какого-то бедолагу (впятером на одного!), пока девчонка с параллельного курса не вмешалась.

Айниэль стыдно, что она тогда всего лишь в окно смотрела. Наверно, поэтому она теперь стоит и твердо смотрит – нет, не в глаза, в глаза не надо! – на этого парня. Потому что Место памяти – это значит, кто-то умер недавно, и букет в восковой бумаге – чье-то напоминание. Как и руна, едва светящаяся в радуге фонтана. Пускай у них жизнь такая, что умереть проще, чем обычному человеку, но память все равно надо хранить.

Парень медленно встает, выпрямляясь, и оказывается, что они одного роста: Айниэль на тонких высоких каблучках и он, весь в черном, взъерошенный и небритый. От него ощутимо пахнет алкоголем и еще чем-то горьким, травяным.

Девушка вскидывает подбородок выше, отбрасывая за спину волну темных волос. Она не боится. Она все делает правильно.

– А кто тебе сказал, что ты можешь нам указывать? – спрашивает он.

Подруга двумя руками ухватывает ее за локоть, но Айниэль не сдвинуть.

– Я не указываю, а только прошу. Вы еще букет уронили…

Она показывает ему под ноги. Почти увядшие красные герберы.

– Поднимите, пожалуйста, – говорит она.

Он ботинком отбрасывает несчастные цветы в сторону и не отрывает взгляда от ее лица, ожидая реакции.

Айниэль сжимает кулаки, гнев обжигает изнутри, зажигая щеки алым. Сейчас она готова даже на драку, и ей все равно, что противник вдвое шире в плечах.

…но ее останавливают. Между ними ложится тень, и чей-то низкий голос тянет:

– О. Опять вы…

Подошедший с недовольством и даже брезгливостью изучает молодого человека. Подруга тихонько ахает в спину. У Айниэль с самого начала сердце билось как заполошное, от напряжения, но и оно пропускает удар. Староста технического факультета – парень, которого провожала жаждущими глазами добрая половина женского населения кампуса. Он выше Айниэль на целую голову, брюнет, пронзительные серые глаза и мужественный подбородок. Ничего удивительного, что за-ради его взгляда девчонки порой и дерутся. Айниэль отводит глаза: почему-то неприятно, будто его презрительная мина и к ней относится.

– Вы думаете, – бросает староста, – что если ваш товарищ погиб, то вы можете нажраться и безнаказанно задирать окружающих? Возьмите себя в руки, – будто сплевывает он, – ведите себя как мужчины. Простите, девушки, вы… э-э, вас не обидели?

Не сразу, но дошло: погибший – их товарищ. Они не просто так тут сидят.

Щеки Айниэль покрывают неровные пятна багряного румянца. Ей-то казалось, что она все делает правильно, защищает Место памяти…

А получается, что это она их всех обидела.

Парень в черном, толкнув ее в плечо, стремительно удаляется, не оглядываясь.

– Артур! – зло окликивает его староста. – Я еще не закончил, вернись немедленно!

Плечо горит. И вовсе не от боли.

***

У нее были удивительные глаза. Светло-карие, с зелено-золотыми искрами.

Как она смотрела, гневно и яростно, и золотые искры сияли, а губы, наверняка мягкие и нежные, произносили что-то обвиняющее…

Почему он начал огрызаться?

Вступилась за Гарду и его «место памяти», даже не зная, за кого и перед кем. Смелая…

Не то чтобы они дружили, но Гарда был хорошим парнем, и Артур пришел помянуть его со всеми. Злосчастный букет они нашли на бортике фонтана, и Нау, просканировав цветы, сказал, что они от «той стервы». Так флегматичный Нау неизменно именовал девушку Гарды. Ребята уже были порядочно навеселе, и букет лицемерной бабенки (Нау никогда попусту не говорил, значит, были причины) скинули на землю и сели помянуть товарища прямо там же.

Случайные люди не делали им замечаний (староста не в счет, ему положено) – обычно никто не связывался с их компанией, и потому заявление девицы было для него неожиданностью.

Она была одного с Артуром роста, но тонкая и хрупкая. Длинные темные волосы перехвачены плетеной лентой на лбу, одета во что-то яркое и развевающееся. Наверняка, студентка с целительского, с романтическими устремлениями, склонностью к общению с природой и защите угнетенных парабиологических существ.

Точно. Скукота.

И глаза лучше позабыть: одна морока.

***

Во всем был виноват ветер.

Айниэль не учла его при составлении метеопредсказания и провалилась на практической части экзамена – то есть не добрала нужных баллов. Поэтому она не попала в общую группу по летней практике.

– Это конец, – сообщила она подруге, рыдая у нее на плече.

Все разъедутся по городу, а она будет кормить комаров в палатке рядом с какой-нибудь замшелой каменной бабой в степи.

И ведь еще за день до экзамена было предупреждение. Перед Оранжереей столкнулась с одной девчонкой, и та схватила ее за рукав и начала что-то обморочно шептать. Айниэль сначала хотела возмутиться, но поняла, что девчонка – провидящая, и находится в трансе. Полезного она, правда, ничего не сказала – это тогда Айниэль так подумала, дура, ох дура… а девчонка очнулась, поморгала зелеными глазищами, извинилась и ушла.

Айниэль расслышала только две фразы: «Мертвые камни ждут тебя. Ветер принесет погибель».

Вот всегда так с этими провидящими: сами не понимают, что говорят, да и другим ничего не разобрать. Сказала бы четко: не забудь на экзамене про ветер – и все было бы хорошо… наверное…

Про мертвые камни тоже быстро выяснилось: на распределении.

Основной группе досталась пачка направлений в городские музеи. Только завидовать можно: там уже все вдоль и поперек исследовано, и вся эта практика – только формальность, появиться несколько раз, составить отчет и подписать у начальства. И все. Свободен на лето.

А вот Айниэль досталась «путевка» к тем самым мертвым камням. И честно говоря, сначала даже от души отлегло, когда она поняла, что предсказание касается всего лишь руин древнего города.

Очень уж зловеще звучали эти слова. Ну, а руины… все ж не каменная баба посреди степи.

Подруга, правда, обзавидовалась. Что ты понимаешь, возмущалась она, какие камни, зациклилась ты на камнях, что ли, это же море, море!.. мы тут в городе торчать будем, а ты бесплатно на море поедешь, и будешь там купаться, сколько захочешь, знаем мы эту практику.

Айниэль не стала спорить, будто их городская практика – это что-то серьезное. Сама она уже не могла воспринимать свое направление, как наказание. Море! Южное теплое море, – и вовсе не те холодные свинцовые воды, до которых от Гражина было два часа езды. Работать вот наверняка придется: выдали целую пачку заданий, дневники практики, только чтоб заполнить их несколько дней нужно.

***

Как всегда опоздала. С этим своим свойством всегда опаздывать она ничего поделать не могла, и даже если удавалось вовремя по будильнику встать, то потом обязательно что-нибудь случалось: то на подготовленной заранее одежде обнаруживалось пятно, то волосы вдруг никак не укладывались, то терялась сумка или документы важные… в общем, Айниэль практически никогда не приходила вовремя.

В этот раз ее задержали дома: отец на всякий случай повторял правила безопасности и ответственного поведения, чтобы она не забыла, мама зачем-то взялась перекладывать ее вещи в чемодане, бабуля погадала на кофейной гуще и теперь пыталась перебить отца, чтобы рассказать о погоде, которая будет во время поездки.

Айниэль торопливо перецеловала всех и убежала, оставив маму с одним из своих сарафанов в руках подавлять назревающую ссору тещи с горячо любимым зятем.

Автобус отправлялся от Эллинского дворца – административного корпуса Института. Остановка трамвая, на котором ехала Айниэль, была довольно далеко, так что ей пришлось бежать, волоча за собой тяжелый чемодан на колесиках, который так и норовил перевернуться.

Староста группы, стоявший у входа в автобус со списком в руках, едва увидев ее, развернулся и зашел внутрь.

Запыхавшейся девушке тут же показалось, что сейчас они уедут без нее, а ведь ей и чемодан еще в багажное отделение как-то надо уложить. Путаясь в длинной юбке, она прибавила шагу, с тоской представляя, какое зрелище открывается тем, кто уже в автобусе: красная, взмокшая и лохматая студентка, которая едва не падает, поспешая.

Почти у самого автобуса ее нагнали: видимо, тоже опоздавший. Она успела сложить ручку чемодана, как мимо ее лица просвистела, плюхаясь среди багажа, красная спортивная сумка, потом ее чемодан кинули туда же, а саму девушку бесцеремонно ухватили за талию и поволокли в автобус, она только успевала перебирать ногами.

– Давай, поторопись, – хмыкнул кто-то, обжигая шею дыханием, – а то этот му… чудак может и без нас автобус отправить.

Ее рывком поставили на ступеньки – сразу верхние – и потом подтолкнули дальше.

Красная как вареный рак – если бы от бега не перехватило дыхание, она бы давно уже наглецу высказала все, что она думает, – Айниэль прошла через весь автобус, неловко кивая знакомым. Парень позади нее громко здоровался, перебрасываясь шутками и пожимая руки. Знакомых у него было явно больше.

Места были только сзади, самые последние. Сразу два из них занимал парень, который спал, закрыв лицо книгой.

Айниэль, наконец, пришла в себя и порывисто развернулась, чтобы… чтобы ойкнуть.

Нет, она, конечно, хотела хорошенько пихнуть непрошенного помощника и поставить его на место, чтобы никогда больше не лез к ней… но столкнулась взглядом с темными насмешливыми глазами.

– Привет, – сказал Артур, широко улыбаясь. – Ты садиться-то будешь? Сейчас отправляемся, мы последние были.

– Д-да, – неловко сказала Айниэль, теряя весь запал.

Села к окну, сложив руки поверх сумочки. Артур мимоходом пнул спящего по голени и плюхнулся рядом с ней.

***

Он бы и вовсе не поехал на эту практику, но чертов доставала Сезар просто оборвал телефон с утра пораньше, напоминая, что ему надо прийти вовремя. И только у самого автобуса, углядев, что за девчонка пытается поднять свой чемодан в грузовой отсек, Артур приободрился.

Сел рядом с ней, отметив про себя, что удивительно удачно вышло, и с местами, и вообще.

– Прости, – сказал он. – Я тогда нагрубил тебе.

Она резко повернулась, заморгала.

– Нет, ты что! – воскликнула она. – Это я… нет, не так… я просто неправильно поняла и не должна была… это ты прости, короче говоря.

Она вздохнула, наморщив тонкие темные брови. Артур наклонился поближе, убрал прядь волос, выбившихся из ее прически, за ухо. Она вздрогнула, не ожидав этого.

– Все-таки больше зеленые, – удовлетворенно сказал Артур. – Еще тогда не мог понять, какого цвета у тебя глаза. Меня зовут Артур, а ты?..

Она несколько мгновений ошеломленно смотрела на него, никак, видимо, не в состоянии понять его логику – она о серьезном, о том, что ее мучило после того вечера, о смерти его товарища, а он…

– Вы – не могли бы – пересесть? – вздернув подбородок и чеканя слова, произнесла она.

Артур усмехнулся, но девушка не ответила на эту усмешку, оскорбленно отвернувшись к окну.

Автобус тронулся, Артур снова пнул по ноге заворчавшего Нау и заставил того освободить второе место. Но перед тем как уйти, он легонько сжал ее плечо и сказал, почти касаясь губами порозовевшего уха:

– А за тот раз я не в обиде. Ты ведь была права.

Она почти подпрыгнула на месте, зажимая ладонью свое ухо, но Артур уже пересел, лукаво улыбнувшись ей напоследок.

***

– Ну и чего ты над ней издеваешься? – вполголоса лениво спросил Нау.

Артур пожал плечами.

– Она так краснеет, заглядишься, – признался он. – Грех не подразнить.

Девушка в это время изо всех сил делала вид, что не замечает его: достала из большой полосатой сумки плеер, воткнула наушники и с ногами забралась на сиденье. Артур посмеивался про себя над ее деланно безучастным взглядом, которым она провожала проплывающие мимо окна улочки города, но уже чувствовал, что слегка перегнул палку.

В полдень автобус делал остановку, и Нау, подхватив друга под руку, подошел к девушке.

Церемонно поклонившись, он спокойно произнес:

– Я прошу прощения за своего друга. Он бывает весьма несдержан на язык, когда его обуревают горестные чувства.

И Айниэль, и Артур смотрели на него с одинаковым недоверчивым изумлением. Айниэль совершенно не ожидала подобной вежливости от него, да и Артур давно не слышал столько слов подряд от вечно молчаливого Нау.

Он был церемонен и по-старомодному вежлив, словно какой-нибудь вельможа на императорском балу. Тем большее впечатление все это производило, если принимать во внимание его внешность: выстриженные гребнем волосы, кольца в ухе, наполовину сбритые брови. Узкое умное лицо со светлыми глазами, черная одежда и многочисленные цепочки-браслеты на руках. Нау хорошо воспитывали, можно сказать, муштровали дома, так что он с б*о*льшим, чем кто-либо удовольствием, нарушал все обычаи и традиции, принятые в «приличном обществе». Оставаясь при этом все тем же воспитанным и культурным до мозга костей интеллектуалом.

– Позвольте нам начать наше знакомство заново, – говорил он, и ему просто невозможно было отказать. – Меня зовут Нау, моего громкоголосого друга – Артур.\

Девушка сдалась:

– Айниэль.

***

На самом деле Айниэль уже много чего об Артуре знала. Ее подруга, Романа, поболтав «с кем надо», как заправский шпион, собрала кучу информации. Артур – один из пятерки лучших на своем курсе, у него есть вторая специализация, которую он – очень таинственно! – тщательно скрывает, и куча замечаний в личное дело за поведение. Этакий плохой мальчишка. Говорят, со старостой они постоянно соперничают, и в учебе, и в отношениях с девушками. Айниэль в подробности не вслушивалась: не думала, что доведется так быстро встретиться снова.

***

Практикантов поселили в два щитовых домика местной турбазы. Тонкие перегородки, жесткие кровати, по две-три в каждой комнатушке, зато удобные широкие веранды с гамаком, разномастными стульями и столами. Вокруг пышно росли вишни и сливы, с твердыми незрелыми плодами.

Студенты сокрушались, что еще зеленые, но тем не менее, страдальчески морщась, грызли.

Кормили грустно: каша с бутербродом на завтрак и весьма аскетический ужин. Обед предусмотрен не был, но на первом этаже одного из домиков была общая кухня. Готовили не все, но голодных было много.

***

Айниэль ходила в ярких длинных юбках, одна другой цветастее. Носила красные туфельки без каблуков или сандалии, волосы подвязывала плетеной лентой. Если она увлекается эльфами, думал Артур, судя по ее выбранному имени, то это какие-то неправильные эльфы.

Самоуверенная и бойкая на язык. И, кажется, никого не боится. Время совершенно не умеет рассчитывать, то опаздывает, то приходит на час раньше.

Пока у них был вооруженный нейтралитет, хотя Артур не упускал возможности поддразнить ее при случае. Но это скучно – на обычные шутки она не велась, на двусмысленные… нет, двусмысленных он пока избегал. Чувствовал, что упрямая девчонка сразу же достанет все свои орудия, пока стоящие в запасе, и от него, Артура, и места мокрого не останется. А это было бы жаль.

Нау больше не подначивал его. Он углубился в выполнение заданий по практике, и Артур знал, что пока друг полностью все не завершит, окружающий мир для него не существует.

Поэтому было скучно. И наверно поэтому же Артур вызвался, когда набирали добровольцев в помощь археологической партии.

То, что в этих добровольцах есть Айниэль, это… отношения к делу не имеет. Девиц вокруг – пруд пруди, на любой вкус. Это просто совпадение.

***

Почему это направление досталось таким как она, – тем, кто завалил некоторые экзамены и зачеты, – она поняла почти сразу. Да, было красиво. Солнечные сухие дни, море, веселая студенческая компания…

…но работы невпроворот. Если не было заданий по дневнику или от руководителя, то их посылали помогать археологам – по соседству трудилась и целая партия, и такие же студенты, только из обычного университета.

Ну, как помогать. Почву, песок выносить ведрами, по заданию перебирать черепки или счищать сантиметр за сантиметром землю в указанном месте. Вымерять детали и записывать данные. Порой Айниэль казалось, что некоторые задания выдумываются прямо на ходу, лишь бы их занять чем-то.

Так это было или нет, но результат был один: к вечеру большинство студентов еле передвигали ноги, так что о крупномасштабных загулах никто и не помышлял. Так, понемножку разве.

У нее был целый список общих заданий и несколько личных, которые составлял куратор. Айниэль пробовала несколько раз, но из этих последних ничего не удавалось сделать.

Камни молчали.

Она проводила кончиками пальцев по их шероховатым, выветренным и обожженным солнцем краям. Мертвые и немые. Серо-желтые, пористые плиты ракушечника, складывавшие

стены древнего города, позабыли уже руки человека. Молчали, не отзываясь на прикосновение. Люди, что вытесали их, сложили в стены и скрепили раствором, люди, что жили столетиями в этом городе, сами истлели давным-давно. Память о них выветрилась, выгорела, истаяла. Камни снова были частью окружающей природы.

Древний город уже не был жилищем, и люди приходили только посмотреть на геометрические узоры фундаментов, оставшихся от него.

Айниэль вздыхала, проходя в лабиринте тесно стоявших друг к другу остатков стен. Останавливалась, обеими руками трогала выступы, прикладывала ухо. Тщетно. Даже обычного тока жизни не ощущалось: стены не сохранили и капельки воспоминаний.

Бродила, осторожно заходя в проемы дверей, окон… перелезать через стены было бы удобнее и быстрее, но ей почему-то не хотелось нарушать иллюзию того, что она ходит по улицам, представляя себе и дома, и гомон людей, и тень от деревьев, которые несомненно, росли тут некогда.

Скелет города лежал под высоким небом, равнодушный ко всему и давным-давно онемелый. И лишь в одном месте память вдруг толкнулась, укрыла зеленой кружевной тенью: Айниэль вошла в маленький домик, как в воду окунувшись в призрачную мглу воспоминания.

Тесный дворик, прохладная тень лозы, укрывающей от палящего солнца, полосатая занавесь на внутренней двери, и чей-то радушный голос, приветствующий ее, как старого знакомого, забежавшего между делом.

Миг – и все пропало, потускнело. Осторожно держа в уме это воспоминание, Айниэль обошла маленький дом из двух комнат. Наверно, это была лавка, с главным входом на широкую улицу и черным – в переулок, через который она зашла. Девушка походила еще, притрагиваясь к камням стен, но больше ничего увидеть не смогла.

***

В реставрационной тихо, почти безлюдно. Айниэль никто не мешает, и она приходит сюда, пристраивается где-нибудь в уголке, чтобы заполнить очередную таблицу в дневнике наблюдений, или переписать кривые набросанные впопыхах цифры измерений в отчет. Она всегда берет несколько бланков: не получается никак заполнить эти бумажки правильно с первого разу.

В узком дворике перед входом вдоль стены коробки с черепками и камнями, наполовину собранный пифос, высотой с саму Айниэль. Его пока не трогают: им занимается Маргарита Сливян, начальник археологической партии, а она очень ревниво относится к своим делам. В мастерской постоянно работают только двое: усатый молчаливый Петр и задумчивая, иногда раздражающе неторопливая Аня.

В реставрационной полутемно, пахнет глиной, немного клеем и сырой землей. Иногда Айниэль просят помочь, и она терпеливо держит на весу какой-нибудь непонятный обломок, к которому прилаживают недостающую часть. Иногда просят посмотреть – уже по делу, когда дежурный артефакт указывает на магический фон. Он у них старый, разряжается часто, но Айниэль не обижается, что ее отрывают. Ей нравятся и степенные, сосредоточенные археологи и все эти древние вещи, которые оживают в их руках и начинают говорить.

Она археологам тоже нравится, а ее природная способность – пусть и слабая – читать память вещей просто зачаровывает их. Жаль, что большинство тех находок, что они раскапывают, слишком стары, чтобы отвечать ей, но и так бывают иногда какие-то просветы.

Помощнице Маргариты, Ольге, Айниэль не нравится. Она вообще ее не любит. Ольге кажется несправедливым, что им, обычным, приходится и анализы проводить, и сопоставления, и думать черт знает сколько, чтобы догадаться о возрасте какого-нибудь куска бронзы и его назначении. А магу стоит его в руки взять, глаза таинственно закрыть – и нате вам! Еще и в лицах-подробностях, что и как с этим кусочком было.

Айниэль обижается. Хотя знает, что многие люди так думают, но все равно. Еще она видит, как поглядывает Ольга на Артура. Царапается что-то внутри. Ну и дурак, шепчет она своим записям, когда Артур добродушно смеется в ответ на какую-то шутку Ольги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.